

ГЛАВА 8

МУХАДЖИРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Феномен северокавказской эмигрантской литературы, создаваемой на протяжении более чем 150 лет не только никогда не исследовался нашей советской критикой, он просто-напросто замалчивался, как нечто не существующее, либо упоминался как нечто, существующее вне понятия национальной культуры в таких, примерно, пассажах: «Турция, густо заселенная многими разноязычными народами не дала ничего, кроме «производства и потребления лишь туркоязычной продукции слова».

Один из этих «многих разноязычных народов» – северокавказцы (именно так они определяют свое этническое происхождение), насчитывает до 4 миллионов человек. Наша диаспора дала миру произведения, в которых отражена героическая эпопея горцев, боровшихся за свою независимость, со времен шейха Мансура по наши дни. Одно только ознакомление с библиографией должно убедить самого сомневающегося скептика в том, что это не просто «туркоязычная продукция» – это едва ли не единственный золотой фонд нашей литературы, это вполне сложившаяся школа со своеобычным видением истории и мироздания, обусловленным особенностями уклада и образа жизни наших эмигрантов.

В подтверждение этому достаточно перечислить имена и произведения наиболее известных дагестанских писателей-эмигрантов, вошедшие в турецкие энциклопедические издания, словари и антологии:

А х м е д Х а м д и - б е й . (1851-1919). Писал на арабском, турецком и фарси. Его произведения опубликованы в антологии «Турецкая поэзия прошлого века» (Стамбул 1969 г.).

А х м е д С а и б (1859-1920). Историк и писатель. С 1899 по 1907 год выпускал в Каире газету «Санджак». Автор фундаментальных трудов по истории Турции. Упоминается в «Тюрк ве дунья Мешгурлари Ансиклопедиси» (Стамбул, 1957-58 гг)

Нажмуддин Баммат. (1922-1985). Родился и жил во Франции. Сын министра иностранных дел Северокавказской республики Гайдара Баммата. Писатель и дипломат. Работал в ЮНЕСКО. Преподавал в Сорбонне, Кембридже. Автор более 50 работ по истории ислама, написанных им на французском, английском, немецком, испанском, итальянском языках.

Юсуф Зия Бинатлы. (1914-1982). Профессор. Автор более 500 научных трудов по исламскому праву. Внес значительный вклад в развитие демократии и правовой базы Турецкой Республики. Его имя включено в популярный справочник «Кто есть кто в Турции».

Мехмед Фуад Джарим. (1892-1972 г). Образование получил на итальянском, французском и арабском языках. Работал на различных дипломатических должностях в Барселоне, Копенгагене, Милане, Рио-Де-Жанейро. В Турции вышло 10 его книг по политологии, философии, социологии. Значится в Турецкой Энциклопедии.

Омер Зияуддин Дагестани (1849-1921). Родился в ауле Миатлы, Дагестан. Участник Русско-Турецкой войны 1877 года. Сподвижник сына имама Шамиля Гази-Мухаммеда. В составе войск Аббаса-паши Египетского участвовал в Первой мировой войне. Владел аварским, лезгинским, русским, арабским, турецким и фарси. Упоминается в Энциклопедии святых – «Эвлиялар Анциклопедиси».

Хусейн Камы (1878-1916). Поэт, драматург. Произведения его опубликованы в антологии «Турецкая поэзия прошлого века».

Кадыржан Кафлы (1899-1969). Автор обширных трудов по истории северокавказской эмиграции, поэтического сборника «Вспененное море», пяти романов, а также исследований «Северный Кавказ», «Золотые страницы Ататюрка», «Митхат паша», «Судьбы Турции», «Пророк Ной и Туфан», «Пророк Адам и Ева» и др. Включен в справочное издание писателей Турции.

Мехмед Захид Котку (1897-1980). Крупнейший мусульманский ученый-богослов. Шейх тариката Накшбандийя. Автор пятитомного труда «Тасаввуфи ахлак» (Мораль суфизма), книг «Райские пути», «Алим», «Тевхид», «Наставление проворным» и др., биография шейха Мехмеда Захида Котку включена в «Эвлиялар Анциклопедиси».

Мурад-бей Мизанчи. (1854-1917). Автор шеститомного исторического труда «Тарих-и Умуми», семитомного издания «Тарих-и Эбульфарук», книг «Le Palais de Yildizetla Sublime Port» (Париж, 1896 г.), «La Force et la Faiblesse de la» (Женева, 1897 г) и др. Примечательно, что Мизанчи, свободно владевший русским, перевел на турецкий язык «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

Али Нихат Тарлан (1898-1978). Писатель, историк, поэт. Перевел на турецкий язык почти всю персидскую классическую поэзию от Низами и Физули до Мухаммада Икбала и современных поэтов. Вошел в энциклопедические словари «Ресимили Тюрк Эдебиетчилар Сёзлюгю», «Шаирлер ве Язарлар Сёзлюгю», «Язарлар Сёзлюгю».

В 1995 году в г. Самсуне, в издательстве «Кафкасия герчеги» вышел в свет справочник «Писатели кавказской диаспоры», в котором помещены биографии 200 писателей, поэтов и переводчиков нашей эмиграции.

... Если пара-другая дагестанцев – «соцреалистов», названных классиками литературы теперь уже не существующего государства «СССР» и включенных в уже ничего не значащую БСЭ преподносилась до сих пор как явление исключительное, как результат единственно возможного культурнополитического симбиоза, а перечисленные нами имена писателей-эмигрантов, рассказавших о своей родине, религии, но ставших классиками чужой литературы, сегодня принадлежат всей мировой культуре (стало быть, и на нам!), то напрашивается вопрос: какому языку, какому «старшему брату» обязаны дагестанцы образцами столь высокого творческого и духовного взлета?! Наверное, все-таки, самим себе, своему народу, его героической истории.

В отличие от поэзии русской эмиграции, северокавказскую мухаджирскую лирику постигла участь духовной изгнанницы, хотя ее следует рассматривать как одну из составляющих нашей древней культурной традиции: ведь наряду с арабским и родными, горцы Дагестана издревле писали и на турецком языке. Однако до сих пор не предпринято ни одной серьезной попытки довести до читателей что-либо из литературы нашей эмиграции.

Не трудно догадаться, что ее признание нашими литературными служащими означало бы косвенное самоотрицание. В то время как они воспевали кровавые завоевания октябрьского переворота, братоубийство гражданской войны, сталинско-бериевских молох, наши соотечественники за рубежом бережно собирали и передавали из уст в уста, из сердца в сердце истинную героику своего народа, воспитывая на ней каждое новое поколение горцев.

ДАГЕСТАН издревле считался страной поэтов. Владение словом приравнивалось здесь к владению оружием, вот почему неотделимы в горском кодексе чести поэзия и героика. Изучая культурную жизнь нашей диаспоры, я пришел к убеждению, что поэзия и героика неотделимы в сердцах наших соотечественников и поныне, тогда как слово «подвиг» давно стало анахронизмом теперешней дагестанской действительности. И прежде чем привести печальное подтверждение сказанному, процитирую письмо, которое я получил в ответ на публикацию интервью нашего соотечественника Рамазана Текина, поделившегося своими впечатлениями об увиденном на родине предков. Вот, к примеру, что он говорил:

«... Мне и в голову не приходило к каком ужасающем положении находится Дагестан! Можно быть голодным, можно быть бедным, но так унижаться... Захламлять нашу страну (Турцию – М.Д.) утиль-сырьем и торговать телами на потеху туркам?! Когда-то наша слава гремела по всему миру. Нами восхищались, перед нами преклонялись... Скажу откровенно, я разочарован. Нам сотни лет вдалбливали: гордитесь, что вы – дагестанцы, выше

дагестанцев никого нет, вы – знаменосцы ислама. На гордого человека в Турции говорили «гордый, как черкес!» Ничего, абсолютно ничего от славных традиций прошлого здесь не осталось. Воровство, бандитизм, проституция, пьянство... Бездуховность в глазах, бездуховность в сердцах, как раковая опухоль, пожирающая все!»

А вот как отреагировала на эту гражданскую боль жительница Махачкалы (не называю ее имени, дабы не вызвать против нее чьего-либо чрезмерного гнева): «... такие как вы бежали за границу в трудное для Дагестана время, а теперь возвращаются и продолжают мутить народ. Таким как Вы не место в нашем Дагестане. Живите, где живете... За годы Советской власти Дагестан окреп и сплотился, и не допустит крови, И не Ваше дело, как мы здесь живем. А такие как Вы живите в своей Турции».

Я не собираюсь сейчас излагать своей незадачливой корреспондентке историю северокавказской эмиграции: о насильственном изгнании горцев писали и русские, и советские историки. Вот, к примеру, как излагал свой великодержавный восторг автор книги «Покоренный Кавказ» некто Красницкий:

«Теперь читатель знаком со всеми предшественниками этого вождя (А.П. Ермолова – М.Д.), доставившего Руси целый край. Как ни коротка характеристика их, но все-таки по вышеприведенным чертам их деятельности можно составить себе некоторое представление об этих людях, стоявших без малого шестнадцать лет во главе русских чудо-богатырей и подготовивших почву для покорения великолепного края».

А вот какие бравурные песенки распевали «чудо-богатыри» покоряя «великолепные края»:

Кабардинцы, вы не чваньтесь,
Ваши панцири нам прах,
Лучше все в горах оставайтесь,
Чем торчать вам на штыках...
Бусурманы, не гордитесь
Вы булатом и конем,
Златом-сребром поступитесь
И, к земле склонясь челом,
Александра умоляйте
О пощаде ваших дней...
Вы гоните нам в подарок
Волов жирных и овец,
Нам их нравится поярок
И опоек от телец.
Когда хотите, идите,
Кабардинцы, к нам сюда,
Но свои дары несите,
Не то будет вам беда.

Если это пафос покорителя, то что тогда цинизм оккупанта и завоевателя? Тот же Красницкий философски обосновывает необходимость кровавой Кавказской эпопеи:

«А что касается войны (борьбы) то разве без нее можно обойтись? Жизнь – борьба. Человек борется за существование, а отвоевав себе право на него, продолжает бороться за улучшение своего положения. Сильные одолевают слабых и живут в свое удовольствие, слабые погибают или влачат жалкое существование...»

Победителей не судят побежденные, но есть законы Кармы, есть кара Немезиды, и поэтому, вопреки сентенциям господина Красницкого, жалкое существование влачат сегодня потомки «чудо-богатырей».

Александр Солженицын в статье «Раскаяние и самораскаяние» писал: «...Нашлось бы там достаточно наших вин – таких, как перед горным Кавказом: завоевательный русский натиск XIX века (вовремя осужденный русскими великими писателями), и выселение XX века, о котором и сами-то кавказские писатели не смеют. Раскаяние всегда всем тяжело, и не только через порог себялюбия, но еще и потому, что свои вины себе хуже видны».

Вот над чем следовало бы задуматься автору письма, назвавшему изгнание народов – «бегством за границу в трудное для Дагестана время».

А каким оно было, это бегство?

Ответ находим в письме российского консула в Трабзоне: «Из прибывших в Трабзон 247 тысяч черкесов, умерло 19 тысяч человек. На день написания письма, июля 10-го дня 1865 года в Трабзоне осталось 63290 черкесов, среди которых ежедневно умирают 180-250 человек...»

Не правда ли, тон этого циркуляра смахивает на холодный академический стиль ученого, описывающего результаты своего эксперимента? Исполнителями которого были не только русские генералы, сжигавшие дотла поселения горцев, но и русские адмиралы, топившие корабли с эмигрантами, следовавшими к Босфору!

В одном я не согласен с великим русским писателем А.И. Солженицыным, утверждающем, что кавказские писатели не смеют писать о завоевательном натиске и выселении горцев! Кавказские писатели говорили об этом всегда, но говорили там, на чужбине, и только сейчас их голос доходит до нас.

Четыре года назад видный деятель нашей эмиграции Яхья Казан писал: «Если в будущем что-либо и будет сделано на благо и во имя Кавказа, то сделать это смогут лишь турецкие северокавказцы».

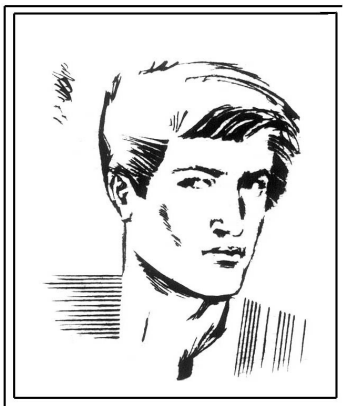

Эфкан Чаглы

Грузино-абхазская война, развязанная, конечно же, не нашими турецкими соотечественниками, тем не менее выдвинула из их среды первых героев – первых Шахидов. Сразу же после конфликта она была воспринята в Турции как посягательство на целостность всего Северного Кавказа. По инициативе северокавказской общины из города Ялова, в Стамбуле был организован опорный центр «Кавказ-Абхазия», а вслед за ним – комитет

содействия Центру, занимавшийся доставкой соотечественникам обмундирования, экипировки, формированием добровольческих отрядов. Об этом сообщает журнал «Ялова: Кузей Кавказ» (№№ 9-11). Позже эмигрантская газета «Нартын сеси» (Голос нартов) писала: «Потомки тех, кто выехал сюда 128 лет назад, сегодня со своей второй родины возвращаются на родину предков, ради свободы братьев, проживающих в Абхазии. Среди прибывших на родину, пылающую в войне, 23-летней студент индустриального лица Эфкан Чаглы. В первый день приезда Эфкан заявил журналистам:

– Меня не было при взятии Гагр, но финал я застал. Я приехал, чтобы водрузить знамя над Сухуми!

Ведат Акар

«Мы не знаем, первый или последний шахид Эфкан Чаглы, – пишет далее газета, – Он не успел водрузить знамя независимой отчизны над Сухуми, но этим знаменем его покрыли боевые друзья».

Увы, Эфкан Чаглы не остался последним шахидом. Другой юный северокавказец, родившийся в Турции, Ведат Акар, уезжая отстаивать независимость родины предков, оставил завещание, которое просил друзей отправить домой в случае его гибели. Вот текст этого завещания:

«Бисмиллахи ль рахмани ль рахийм! Свое письмо к близким я начинаю с упоминания имени Аллаха, потому, что до того, как принять решение и

написать эти строки, я поручил себя воле Всевышнего. Я объясню вам вкратце почему я отправился сюда: моя помощь и мои действия, надеюсь, оказались нужными моему народу.

«И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха и за слабых из мужчин и женщин, и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого – тираны, и дай нам от тебя покровителя, и дай нам от тебя помощника!» Читая этот аят из Священного Корана, я понял, что меня скоро не будет, а посему я хочу, чтобы, поминая меня, вы обратились к этому аяту.

Не хочу, чтобы вы все страдали из-за моей гибели. Оцените ее с гордостью, не истязая себя. Ведь сказано в Коране: «И никак не считай тех, кто убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из своей Милости. И ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что нет над ними страха, и не будут они опечалены».

Завещаю всем моим близким и тем, кто знал меня, прочитать надо мною со 145 по 198 аят суры «Семейство Имрана» во искупление наших общих грехов. Дорогие мои! Знаю, что вы будете плакать над этими аятами, но успокаивает меня то, что эти великие строки Корана помогут вам пережить вашу горе. Завещаю вам

быть здоровыми и счастливыми, пусть простят меня и те, кто был знаком со мной, и те, кто не знал меня за все содеянное и сказанное!

Любимая мама! Я печалюсь от того, что уехал воевать, послушавшись тебя, но что поделаешь, Вы сами воспитали нас такими. Я знаю, что ты никогда не согласишься с моим решением, помня о праве, которое даст матерям религия Ислама.

Прошу тебя о трех вещах: после прощения Господа и Его пророка жду прощения твоего; пусть все, что даровано и послано Аллахом, будет вечным в твоём сердце; зная о том, что ты все равно будешь рыдать надо мной, прошу тебя воздержаться от этого. Я не хочу, чтобы ты впадала в грех, бесконечно оплакивая шахиду. Прочти надо мною молитвы – и этим ты выразишь большую любовь ко мне...

Дорогой отец! Я знаю, что и ты не согласен с моим поступком. Быть может, я был не прав, уезжая воевать без твоего согласия. Но ведь ты так любишь Аллаха и его религию – Ислам! Найди же утешение в правоте моего поступка. Мои дела и мой джихад дают мне право изречь хадис пророка (с.а.а.в.): «Семья шахиды достойна того, чтобы быть заступником людей».

И последнее, о чем я вас прошу: попросите какого-нибудь хаджия совершить за меня все несвершенные мною молитвы и у Аллаха прощения за мои грехи.

Всех Вас я очень любил. Простите и прощайте.

Аллах рассудит нас.

Ваш сын ВедатАкар».

Подвиг Ведата Акара и Эфкана Чаглы воспел в своих великолепных стихах поэт эмигрант Рифат Озбей («Абхазские шахиды»)

ГЕРОИКА и поэзия северокавказской эмиграции – это гармоничное сочетание мужественного слова и подвига, воплощенное свободолюбие и неугасимая любовь к отчизне предков. Вместе с тем, ее пронизывает шемящее чувство утраты родины и величайшее желание обрести ее вновь, или воскресить ее хотя бы в духовных сферах. Это подтверждают стихи Семгута Зияэтдина Кекена «Кавказ», Зибине Сезаи «Вопль», Дуга Орхана Дохбая «Райские сабли» и др.

... Летом 1992 года у меня гостил мой коллега и друг, известный поэт диаспоры, соредатор журнала «Кузей Кавказия» («Северный Кавказ») Семих Сейид Дагестанлы. Судьба его ничем не отличается от судеб тысяч его сверстников, разве что одна печальная на его взгляд деталь: Семих не знает точно своего этнического происхождения.

– Раньше я этого стеснялся, – признался он мне в разговоре, – но посетив Дагестан и увидев, как некоторые национал-сепаратисты пытаются разорвать его на части, я с гордостью говорю: «Я – дагестанец!» И этим сказано все. Если же моя родина будет разорвана на противоборствующие национальные и политические кланы, я разорву все свои книги!

В предисловии к сборнику своих стихов «Одна из дагестанских звезд»^{*} Семих Дагестанлы писал:

«Стихи свои я посвящаю всем братским и дружественным народам. «Яркое впечатление производит его стихотворение «Над мегаполисом...» Демир Шимшек, другой талантливый поэт нашей эмиграции по-своему выразил идею всеобщего Кавказского дома, используя «звездную метафору», в ожидании звездного часа свободы и единства.

Много лет назад внук Имама Шамиля Саид-бей Шамиль писал: «Близко то время, когда падет Советская Россия, и сокрушат ее покоренные и насильственно присоединенные к ней народы. И мы должны быть готовыми к тому, чтобы увидеть всякое. Если мы будем едиными с нашими соотечественниками, то сможем помочь им».

Сегодня эти слова почти сбылись, сегодня, как и век назад наши соотечественники едины с нами, но ни духовная, ни материальная их помощь не сделают нас свободными, не прояви мы сами единства и терпения.

Кадыр Туран

СИРОТЫ СВОБОДЫ

Снова пляски пожарищ в кавказских горах,
Сердце стынет мое в сочетаньи свинцово-латунном.
Кровью слово мое запеклось на устах
Грудью пули шальные хватая, лежу под Аргуном.

Не подвластна насилию наша судьба, –
Скольких жажда всевластья тщедушных царьков обманула.
Человечество вверило правде себя,
Потому и воткну, по цветку я в горячие дула.

Я скорей, чем отчизну, отдам свою жизнь.
Я – орел: траектории-прутья – мое заточение.

^{*} В моем переводе на русский язык эта книга вышла в Махачкале, в 1995 году под названием «Звезда Мухаджира» – М.Д.

Небо – флаг наш, а древко – гранитная высь
Не отдам высоты – в этом высшее предназначение.

Будет изгнан насильник, поправший покой.
Не останется праха несправедно скликанной рати...
Кто Чечню благодатную сделал золой –
Никогда и нигде не познает Творца Благодати.

Алаэтдин Сезгин**ЧТО ОСТАНЕТСЯ, ЧТО ИЗМЕНИТСЯ?**

Расступались вершины отеческих гор
И мелькала за вехою веха, –
В даль чужую идти, где безлюден простор,
Стало глупым поветрием века.
Вот и я сотни раз повторяю на дню,
Прикрывая отчизну, как рану:
«Что останется, если я ей изменю,
Что изменится, если останусь?»

К этим чувствам моим прикипает мечта,
И рассудок спешит с ней смириться.
Сердце жаждет свободы. Найду ль ее там,
И взлетит ли подбитая птица?
Потому сотни раз повторяю на дню,
Прикрывая отчизну, как рану:
«Что останется, если я ей изменю,
Что изменится, если останусь?»
... Землепашец и воин, поэт и алим,
Вы – упавшие с дерева ветки.
Вдалеке от корней, обращаясь к чужим,
Не клянитесь могилами предков.
Лучше тысячу раз повторите на дню,
Прикрывая отчизну, как рану:
«Что останется, если я ей изменю,
Что изменится, если останусь?»

Плуг и сабля, перо и Коран не про нас,
Если не беспокоит отныне
В чьих руках и под чьими ногами Кавказ –
Опустевшая наша твердыня.
Снова тысячу раз повторите на дню,
Прикрывая отчизну, как рану:
«Что останется, если я ей изменю,
Что изменится, если останусь?»

После будет тоска. Цепь бессонных ночей,
Словно узницу, душу не минет,
И тогда, наподобье оплывших свечей,

Взор погаснет, слезинка застынет.
А сейчас сотни раз повторяю на дню,
Прикрывая отчизну, как рану;
«Что останется, если я ей изменю,
Что изменится, если останусь?»

Неджати Айкан

ВЕТРЫ ПЛАНЕТЫ

I

Со снежных гор сорвался вздох уставший
И облетел сожженные долины
И коркой льда сердца подернул наши,
И нашептал таинственные гимны.
Тоску унес туда, где райский климат,
И шли мы, завернувшись в наше знамя,
И горсть семян, что в складках принесли мы –
В чужой земле раскинулась садами.
О как от них чужбина ликовала!
Еще бы! Ведь безжизненная прежде
От солнечного вечного накала, –
Отныне – в белокипенной одежде.
Дождями слез мы землю орошали,
Былое памятуя (как не вспомнишь!)
И вот под шелест изумрудной шали
Стихи слагаем о полях побоищ.

II

Когда-нибудь от надоевшей скуки
Провалимся в былое мы, как в ад.
Исчезнут тени. Не спасет от муки
Самосожженья даже водопад.
И вспомним об отчизне, пылкий танец
Сравнив на миг с танцующим огнем, –
И мир иной искать подмоги станет
У мира этого – огня не меньше в нем!
...Уйдет в небытие все то, что просто,
А мудрость в этот мир идет извне.
Вот Млечный Путь. Обочь синеют звезды,
Под стать фиалкам – дай соткать венец!

Вулканом сердце вдруг рванет на части –
Раскроет лаве накипевшей ход,
И безрукавный саван твой без страсти
Планете на прощание взмахнет.
... Чужбина и Отечество – на что нам!
Возвысимся, как прадеды в боях.
Наверное, не в поднебесье горном
Отчизна наша, а на небесах!
А если миру хочется печали,
Иль смеха, то, не знавший наших мук,
Пушкой под шелест изумрудной шали
Стихи слагает беззаботный внук.

Али Акатурпа

ПОБЕДА

Солнце и пламя победы нам высушат слезы.
Разве изгнанники мы? – мы утрата народа!
... Как угольки очага, согревают нас грезы.
Вечно терпение наше, а будет ли вечной свобода?!

ОЖИДАНИЕ

Мы – далеко, но над нами все та же звезда,
Тот же святой полумесяц сверх бархатной тьмы.
Братья далекие, есть ли кто ближе, чем мы?
Этой мучительной болью полны мы всегда.

Кто-то вращает колеса истории вспять,
Но остановит их праха священного горсть.
В мощи упрется скрипучая старая ось.
Пройден наш круг. Снова прошлое просит восстать.

Рифат Озбей

МОЙ КАВКАЗ

Все, что рука напишет, –
для сердца тайным письменам подстать.
Диктуемое свыше
читаю, и себя же тщусь понять.

Отечество изгоев,
тюрьма для гордых, а для подлых – рай;
Теперь тут все иное
но молит сердце: «О! Не забывай
О гибнущем мюриде, –
не воду он просил – шептал: «Кавказ»!
Калам твой тверд, Мы видим,
слагай же о войне наш общий сказ.
Царям пристало драться,
народу – защищать очаг родной.
В легенду превратятся
те, кто убит, и кто рожден войной.
...Меня лукаво спросят:
«Пленил ли сердце кто?
Согрел ли кровь?» Не отклоню вопроса:
«В стране плененной –там моя любовь!»
Мне сны несут печали,
ядра потяжелей на сердце груз.
Любви не изменял ли?
Нет! Я вернусь к тебе, Кавказ, вернусь!
Кто жизнь мне подытожит,
и кто простит пропущенный мой бой?
Кавказ! Ты сам, быть может,
раскроешь, что диктованно тобой?!

ПИСЬМО БРАТУ

Бодливому ребенку рос под стать,
Брат мой! Но как тебя любила мать!

И ревновал тебя я, брат, не к ней, –
К способности божественной твоей.

Ты говорил: «Нет в людях высоты,
А посему не строй к сердцам мосты.

Зато такая в людях глубина,
Что стоит докопаться нам до дна».

И все слова, что ты тайком изрек,
Как губка, сердце впитывало впрок.

Покуда
с врагами мы не квиты,
Ты нашим бескорыстным
Крови и душам внемли:
Границы на запоре – сердца всегда открыты,
А душами своими мы возвеличим земли!

... Уйдет с кинжалом деда
Какой-нибудь товарищ, –
Ты грезишь, если где-то
Над дедовским станом
Не солнце полыхает, а зарево пожарищ.
И, этот жар вдыхая, крепил ты долг сыновний.
... Оборвалось дыханье.
Ты на исходе жизни
Величья был исполнен;
Оно – твоя отрада.
Теперь душою светлой развеешь мрак отчизны,
Теперь в родной земле ты
лежишь бесценным кладом.
... В преддверьи Очамчира
над склонами Мезита
Снега бегут лавиной – твое грохочут имя,
А ты, боясь, что будет оно навек забыто,
Тоску оставил в снежном,
Покуда спящем дыме...

II. ЭФКАН ЧАГЛЫ

«Погрузись в свет святости».
3.11.1992 г. Сухуми.

Эфкан!
За родину погибнув, ты хотел бы
Своею кровью очертить ее границы.
«Абхазия!» – твердил ты с жаром в сердце смелом, –
«Мы канем в тьму, но светоч твой – Шахидов лица!»
Тебя сыновний долг святой
Вернул в отчизну.
Кровь,
прожигая насквозь вены, клокотала,
И пролилась из сердца – не для вражьей тризны:
Как семена тюльпанов скорбных, в землю пала.

Ты смерти не бежал на перевалах горних,
 Погибнуть за Абхазию свою мечта
 Пусть дух твой обретет покой в высотах горних,
 А кровь твоя пускай.
 Сладит источник рая!
 ... Погиб ты, но жива
 твоя любовь к свободе.
 Ты, по миру бродя, жил этим интересом,
 Упрямство с мужеством будя в своем народе –
 Пусть помнит это,
 кто зовет себя черкесом!

МОЯ АБХАЗИЯ

*(стихотворение, найденное в день гибели Эфгана Чаглы
 в кармане его униформы)*

Рабской ноты,
 Жалкой ноты
 Нет в рыдании твоём.
 Слезападами отчизны жажду правды утолим.
 С неподатливых запястий
 Цепи рабства мы сорвем! –
 Пусть о нас святая память не рассеется, как дым.

Мы Абхазии свободу принесем ценой потерь.
 Мы вернулись к праху предков и не дрогнет ни один.
 Настоящему ты веришь – так и будущему верь:
 Наши души – Свет Свободы!
 Дух же наш – Свободы сын!

.....

Наши прадеды остались
 На своих руинах нищих.
 Яро ядрами грома их,
 Все дотла сожгли селенья.

... Разве знали, что на том же возродится пепелище
 Их, достойное по славе и по чести,
 поколение?!

Верный курс аргонатов – что им нарты и дэвы!
Золотая обитель европейской расы.
Я сегодня в крови и в слезах тебя вижу.
Как мне быть и в какие обрядиться мне рясы?
Звать на помощь Аллаха, Иисуса или Вишну?!
Перед кем провинились мы, потомки арийцев.
И кого прогневили, исходя от несчастий?
Сатанинская тризна и бедлам кровопийцев
Наш Кавказ с вожденьем искромсала на части.
Три столетия Россия нас колола штыками,
И от ядер свистящих разрушались все башни,
Но мюриды и шейхи были крепче, чем камни,
И кавказские горы – вечный памятник павшим!

Зибине Сезаи

ВОПЛЬ

Эта ночь пеленает туманом и ветрами даль.
Точно всхлипы ребенка, аккорды очистят свирель.
Терпеливую душу ласкает глухая печаль!
Что ей звуки, рыданье, стенанье и трель!
Но душа не глуха. В ней свирелью зачата любовь.
Как плаценту, она сбросит память, рождаясь во мне.
Я из раковин звук извлеку – и посылаются мне
Гулы крови и вопль чужестранцев на дне.
...Как мне хочется плакать. Но высохли слезы давно.
Как слепой я бреду: новым бедам меня не пронять;
Никому на две жизни печалей и слез не дано,
Лишь душа в состоянии о прошлом украдкой рыдать.
Даже горы тоскуют безмолвно. Но явится свет –
И рассеется дымка, и хлынет слезистый ручей!
Вот что значит мечта, пронизавшая сумрачность лет!
Эра свадеб батыров пришла! Эраковки мечей!
Ночь рождает не мглу, а лучистый желаемый свет.
Соколиные крылья, добудьте нам добрых примет!
Как плаценту, мы сбросили память трагических лет,
В тени предков рядясь, как в кольчуги, – во имя побед!

Дилек Дильбер

ГАЗЕЛЬ

Жар больного, который прикован к постели,
Осветит листья лет, что давно облетели.

Кровь вскипает. А ненависть кто подливает?
Господа, что остались в ущербе на деле?

Сны больного закованы в крововращенье,
И бредут по астральным орбитам без цели.

Ярко высветит самые страшные годы
Лихорадка, вскипая в измученном теле.

Озарится все мрачное: скопища нищих,
Вереницы тиранов, ползущих из щели.

Небо – желчного цвета, а в кухне огромной
Закипают котлы, из которых не ели.

Лихорадит дворцы, лихорадит лачуги.
А льстецы распевают дрожащие трели.

Бык в разбитом шатре пошатнулся от страсти,
На жаровнях – биточки, а казанах – тефтели...

Бред больного? Но чем он отличен от мира?
Растолкуй каббалист в своей сумрачной келье:

Кто ж он, выдумщик вечный, похожих историй? –
Ведь случилось все то, что случилось доселе.

Жар больного в застуженной нищей лачуге
И холодных свистящих кинжалов метели...

Мелкий ум задается великим вопросом:
Что скрывает черта на какой-нибудь стеле?

Если знанье ответа твое – изначально,
То Ковчег обогнуть не сумеет все мели.

...Исправляли слова, о делах не заботясь, –
Так ученые долго и нудно корпели

Над великими строками. Станем другими!
Пусть сердца наши будут подобны свирели.

Мы не будем хвататься за них ежечасно, –
Пусть пронзают их наших противников стрелы, –

Тем звучнее великая музыка чувства, –
Вдох и выдох составят святые газели.

...До чего отупляет нас это круженье!
Только мысли сведут с мировой карусели.

Ерол Йлдыз

ПРОСТИ НАС, СВОБОДА!

Кто пулей разорван. Кто взрезан кинжалом, –
Лежали они, как пустые патроны.
И тень Азраила над ними предстала, –
Но стены не плачут, а изредка стонут.

...Что было в их жизни?
Сраженья, походы... –
И песнь боевая в их горле застряла.
В горячке, в агонии

крылья

Свобода

Над ними развеяла, как опахала.

Она их искала на белых вершинах,
Нашла свои тени!
И так полюбила
Свои очертания в этих мужчинах,
Что снова сюда возвратиться решила.
...Пройдя сквозь горнила, становишься гибче,
Но хрупкими стали, кто все это вынес!
Мы внуки седые героев погибших.
Свобода! Свобода!
Прости нас!
Прости нас...

Дуг Орхан Дохбай

РАЙСКИЕ САБЛИ

В пылящем запале спускаются с гор эскадроны,
Подковы и сабли звенят о гранитные склоны.
Ведет Атаджук иноходца – на что ему троны?
А шлем перебитый – почетней наследной короны.

Аллах мой Великий!
Аллах милосердный!
Я вижу кавказское столпотворенье доныне.
Вот конницы райскими саблями машут – и пусть их удача не минет.

Молитвы и зикры прибавили силы и чести.
Глаза излучают желанье предписанной мести.
И скачут рысцой, наподобие свадебных шествий,
Заоблачным пикам – и тем не сидится на месте.

Аллах мой Великий!
Аллах милосердный!
Я вижу кавказское столпотворенье доныне:
Вот конницы райскими саблями машут – и пусть их удача не минет!

Закончен джихад. И не счесть ни смертей, не увечий.
Но каждый шахид благородной победой увенчан.
Пусть пролита кровь, но ведь ею и мир нам предвещан!
О ветры свободы! Пребудьте в горах этих вечно!

Аллах мой Великий!
Аллах милосердный!
Я вижу кавказское столпотворенье доныне.
Вот конницы райскими саблями машут – и пусть их удача не минет!

ВОПРОС

Мечусь в постели мятой:
Опять отчизна снится мне,
Побоищем объятой, –
В дыму, стенаньях и огне.

А я, влезая в стремя
И уходя в чужую тьму,
Спрошу с укором время:
«Куда? Надолго? Почему?»

...Мне не хватает воли
Извлечь ответ: таков вопрос.
Причина вечной боли, –
Он пулей, в мясо врос.

КОНЬ

Повстречался я снова с конем,
В это утро скакал он ретиво,
А густая и белая грива
Развевалась, как бурка, на нем.

Обскакал все опасные кручи,
Отчеканил копытом карниз,
Подышал облаками, и – вниз,
На майдан, где никем не приручен.

...Наши взгляды случайно сошлись,
И сумел я прочесть в его взоре:
«– Эй! не нюхавший пороха горец,
Полезай, да покрепче держись!»

«– Для чего? Тщетно в мире мы ищем
То, что ждет нас в заветном раю!
Мне бы дикую волю твою,
А богатство я роздал бы нищим».

«– В чем же дело, – мне конь отвечал, –
Позабудь про сундук свой забитый.
Мы отправимся в рай твой забытый!»
...Я в мгновение его оседлал.

...Вот под нами лачуги и троны,
Извивающиеся в огне.
Мчались мы к нашей райской стране
Сквозь столетья, кордоны, законы.

Той страны только вольный достоин
И – готовый за волю в огонь!
Нужен ей необъезженный конь,
Нужен ей неподкупленный воин!

Край, напомнивший дедову карту,
Вдруг сверкнул подо мной, как алмаз.
Я узнал: «Да ведь это – Кавказ!» –
Непокорная родина нарттов.

Семих Сейд Дагестанлы

ЗЕРНО

Разум и сердце мои
пряжу святую прядут;
Если оборваны нити с народом,
Пусть узелки мои узами станут.
...Падают зернами истин прозренья мои.
Но не зовите их
 падшими мыслями,
Ибо взойдут они вскоре –
 после живительных слез
Веткой, привитой к чужому стволу,
Я не иссохну вовеки.
Если печали, как почки, набухли –
 ждите соцветий!
Чем Древо древнее,
Тем и могучей оно!

АБХАЗИЯ ИЩЕТ СВОБОДУ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

...Иссохшую землю, политую кровью, утешь!
И в кронах кровавые гроздья побоищ не ешьте.
Все то же насилье царит на кавказских торосах, –
Дыхание юношей сперло от гнева и дыма,
Подобна броне их застывшая кровь на одежде!

Абхазия! Сын твой уже без патронов дерется, –
Есть в сердце запал, и, как бомба, оно разорвется!
Вернулись твои эмигранты – в них неистребимо

Врожденное чувство свободы и высшего долга.
Отныне с оружием связаны все их надежды.

Не будут сражения легкими – это вестимо!
Мы знаем: за нами – победа! И это – наш стимул.
Мы верим в нее, и поэтому ждать нам недолго.
Мы грезим о ней, но пока что отважные гибнут,
И пенятся розово реки, прозрачные прежде.

О Черное море! В дни траура ты – вместо шелка!
Не только в названии смысл нашей скорби, не только!
Как вестницу горя, встречаю волны твоей глыбу,
В раскате ее слышу отзвуки пушечных залпов.
Глотаю слезу и смыкаю нечаянно вежды...

Прислушайтесь, братья, – везде материнские всхлипы.
Да разве врагами друг друга назвать вы могли бы?!
Кто вас наушает и кто этим тешится слабо?
Вот-вот задрожит седоглавый Эльбрус, негодуя.
Народы кавказские, узы единства на режьте!

В раскатах небесного грома приветствует слава, –
Венками цветущих признаний сметаются травы
Грохочет салют – уж, наверно, последние стрельбы! –
Подобно желанной невесте к нам входит свобода;
Вздохните, джигиты, и хоть мгновение спешитесь.

Склонитесь над теми, кто пулями скошен, как стебли,
Во имя величия, а не для низкой потребности!
С тобою лезгины, кумыки, черкесы, чеченцы
Правы в ожидании свободы все наши народы,
И разве их братство врагов не способно опешить?!

Сегодня – герои, вчера еще только повесы
Тебя пробуждают, Эльбрус, это – смелость без спеси,
Их подвиги враз перевесили все их пороки,
И перед сердцами абхазцев враги их – простые невежи.

...Нас создал Творец, но безумные злые уроды
Врагами нас делают, братьев; и долгие годы
Послушники Зла, мы точили кинжалы и строки.
Все то же насилье царит на кавказских торосах.
Народы кавказские, узы единства не режьте!

Гапсе Сайимер

МОЙ КАВКАЗ

Кавказ мой!
Колыбель свободы!
Тобой восхищены народы.
Кавказ мой!
Гимн борьбы и счастья!
И пусть кромсаем ты на части,
Пусть мы погибнем – наша вера
Неистребима век от века.
...Мы ни под чьей пятой не будем
И это ясно честным людям.
Пусть говорят об этом: грезы!
Но ведь не бесконечны грозы.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ*

* Опубликовано в журнале «КУЗЕУ КАФКФЗУА» № 71-73. Автор не указан.

Мы были со скалами слиты,
Когда-то счастливый народ,
И всюду от нас московиты
Бежали с позором вразброд.
Незванная сворища вражья
Шла в щедрыйлаш край напролом,
О сколько уроков бесстрашья
Мы им преподали в былом!
Не удаль, не блажь, не забава
Погибнуть в горячих боях,
А право, священное право,
Которое дал нам Аллах.
Я слышал легенду: однажды
В одной из подобных атак
Сразил генерала отважный
Безусый кавказский вожак,
Но, пульей пронзенный, свалился
Тогда через адский огонь
Во вражьи ряды устремился
В аллюре без всадника конь.
И гневно хрипел он в запале
(Три раны на нем, почитай!) –
И кличку его повторяли
Как имя героя – «Пшикнай»!
...Адыги, бесстрашное племя!
Превыше вершин вознесясь,
Свое вы прославили время
И время прославило вас!
Исчезли, ушли московиты.
Давно отгремела война,
Но мы еще с ними не квиты –
В руинах родная страна!
И бродит по ним одичавший,
Когда-то счастливый народ,
Чьи предки листвою опавшей
Летели над миром вразброд
...Покой? Незнакомого края?

Тут воздух с водою горьки,
Ведь эта земля нам – чужая,
А мы для нее – чужаки.
О нас не напишете полно,
Не выстрадав наше житье,
История наша – безмолвна,
Изгнанница – Званье ее.
Язык ее – лепет младенцев,
Святое рыдание вдов,
От них никуда вам не деться,
Они – содержательней слов
И громче, чем пафос и грозы!
Пишите ж о нас без прикрас,
А наши бесцветные слезы
Чернилами будут для вас.
А впрочем, смириться пора бы,
Что не о чем больше писать, –
В Аравии мы – как арабы,
В Германии – немцам под стать.
...Раздробленные монолиты,
Мы – щебень, скатившийся с гор;
Все кодексы предков забыты,
Забыты язык их и скорбь!
Где прежняя гордость народа?
Все в прошлом...
Все в прошлом,
А мы –
В тех странах, где правит Свобода,
Которая хуже тюрьмы.
Пред нами развернуты дали,
Но мы в чужеродной дали
Рабами вассалов не стали,
А гордую жизнь предпочли.
...Кавказ наш! Отчизна! Отныне
Сироты свободы своей
Во имя ее не чужбине
Седлают горячих коней...

Демир Шимшек

ЗВЕЗДЫ

Поодиночке гаснут звезды,
И даже яркая звезда
Не согревает нас в морозы,
И в этом вся моя беда!

А стоит им соединиться
И сфокусировать свой свет,
То даже солнцу не сравниться
С тобой, небесный амулет!

Мое кавказское созвездье,
Мой путеводный зодиак!
Иду ли в путь, стою ль на месте –
Повсюду надо мной твой знак!

© 2008

Муртазали Дугричилов
Murtazali Dugrichilov
www.sogratl.net